

Крыленко Николай Васильевич

**Ленин и Сталин о революционной
законности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
Ленин и Сталин о революционной законности / Крыленко Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 58 с.

ISBN 978-5-519-91331-7

Марксизм-ленинизм. Жизнь и деятельность К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Жизнь и деятельность В.И. Ленина. В.И. Ленин и социалистическое строительство. В.И. Ленин и вопросы государственного управления, Государство и право. Юридические науки. Общая теория государства и права. Теория права. Право и общественные отношения. Право и законность

ISBN 978-5-519-91331-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

щества и по планам, предуказанным партией. Режим революционной законности исключал поэтому всякое необоснованное применение насильственных мероприятий по отношению к трудящимся, какими бы мотивами эти насильственные мероприятия не вызывались.

Революционная законность была средством укрепления союза рабочего класса и крестьянства, который Ленин называл основным принципом пролетарской диктатуры.

Революционная законность таким образом означала систематическую борьбу против нарушений и извращений политики государственной власти пролетариата, будь то потворство классовому врагу и примиренчество с ним, будь то перегибы «левацкого» типа, будь то наконец невыполнение указаний центральной власти местами и различная местная «отсебятина» в законодательстве промышленном, сельскохозяйственном, культурном и т. д.

В настоящем очерке мы хотим дать лишь перечень ряда основных установок В. И. Ленина по вопросам революционной законности.

Вместе с тем мы хотим дать по тому же вопросу изложение установок, сформулированных величайшим продолжателем дела Ленина, нашим гениальным вождем т. Сталиным, творящим и развивающим дело Ленина в новых условиях, в новой обстановке. Отразить то новое, что принес с собой сегодняшний день, и вместе с тем дать это новое именно как продолжение и развитие ленинского дела—такова была задача, выпавшая на долю т. Сталина.

I. Ленин о происхождении революционного права и задачах революционного закона

Первый предрассудок, с которым пришлось бороться Ленину при проведении и обосновании революционного права и закона, был предрассудок о «правовом» и «неправовом» характере революционного правотворчества, происхождении революционной власти и революционного права или, о праве, революционного права именоваться «правом». Эти вопросы имели конечно отнюдь не только теоретический интерес.

Правом и законом «в объективном смысле» буржуазная наука признает обычно только законы, отраженные в так называемых законодательных нормах, писанных законах. Некоторое отступление она делает от этого принципа, когда признает в известных случаях наряду с писанным правом так называемое «обычное право». Однако роль последнего отмирает по мере развития легального права. Но революционного права как права революции или как права, фактически осуществляемого революционными массами, обычно в порядке захвата, устанавливаемого явочным порядком, — такого революционного права, всегда исторически существовавшего, буржуазная наука никогда «правом» не признавала и отрицала за ним само понятие права, поскольку никакой законной санкции эти «самочинные» акты революционных масс не имели.

Это отрицание буржуазией «правового» характера за революционным правом, политическое содержание этого отрицания должен был прежде всего разоблачить Ленин при обосновании революционного права. Исходя именно из практических и политических соображений ему нужно было разоблачить эту политическую ложь и разбить юридические хитросплетения буржуазных теоретиков, очистив в этом отношении мозги и своих соратников от традиционных воззрений и взглядов, переноса центр тяжести с формальных

установленных буржуазной наукой признаков, определявших право в живой исторический процесс революционного правотворчества масс.

Этому учил Ленин как своих соратников, так и широкие массы революционного народа еще задолго до Октябрьской революции в своих статьях, относящихся к 1905, 1906 и 1907 гг.

Революционная законность, учил Ленин, есть законность революции. Она теснейшим образом связана с революцией, порождается революцией и в то же время выражает революцию, оформляет общественные отношения, создаваемые революцией.

Источником революционной законности является поэтому только революция, никаких других источников революционного права быть не может. Вот почему в момент своего возникновения никакими формальными признаками революционное правотворчество связано быть не может и ни в каких внешних санкциях оно поэтому не нуждается.

Владимир Ильич доказывает этот тезис на известном примере, анализируя гипотетически предполагаемый им случай расправы революционных масс с истязателем Спиридоновой казачьим офицером Аврамовым, в случае если бы революционный народ в свое время мог помешать этому истязанию:

«Представьте себе, — пишет Владимир Ильич, — что Аврамов увечит и истязует Спиридонову. На стороне Спиридоновой, допустим, есть десятки и сотни невооруженных людей. На стороне Аврамова горстка казаков. Что сделал бы народ, если бы истязания Спиридоновой происходили не в застенке? Он применил бы насилие по отношению к Аврамову и его свите... силой все-таки обезоружил бы Аврамова и казаков, при чем, очень вероятно, убил бы на месте некоторых из этих, с позволения сказать, людей, а остальных засадил бы в какую-нибудь тюрьму, чтобы помешать им безобразничать дальше и чтобы отдать их на народный суд...»¹.

Революционный народ «убил бы на месте» Аврамова! Спрашивается, был бы этот акт правовым актом или не правовым?

Для буржуазных юристов это конечно был бы неправовой акт — самосуд, беззаконие. Для Ленина этот акт был бы **всецело** правовым актом, актом творчества самих народных

¹ Ленин, т. IX, стр. 118.

масс, законным осуществлением ими своего нового революционного права.

«...Засади бы в какую-нибудь тюрьму» его соратников,—продолжает Ленин,—«чтобы помешать им безобразничать дальше и чтобы отдать их на народный суд».

Буржуазный юрист с натяжкой, пожалуй, согласится признать решение этого народного суда правовым актом, ибо к этому времени уже существовал бы закон, санкционировавший организацию этого суда, порядок рассмотрения дела и т. д.

Для Ленина этот формальный момент в процессе революционного творчества не играет особой роли. Для него и первый и второй акты революционного народа являлись одинаковыми по своей природе актами *создания нового революционного права*, различавшимися лишь по времени. Владимир Ильич по этому поводу писал:

«Кадет... на революцию переносит точку зрения того обывателя, который в нашем примере истязания Аврамовым Спиридоновой удерживал бы толпу, советовал бы не нарушать закона, не торопиться с освобождением жертв из рук палача, действующего от имени законной власти... Такой обыватель был бы прямо нравственным уродом... Нравственное уродство мещанина есть качество, повторяем, совсем не личное, а социальное, обусловленное, может быть, крепко засевшими в голову предрассудками буржуазно-филистерской науки права»¹.

Не в бровь, а в глаз бьет здесь Владимир Ильич буржуазных теоретиков, вскрывая политическое содержание их «теорий», их филистерство и их лицемерие. Ибо политически это филистерство означало однако фактическое обезоружение пролетариата. Вот почему Ленин считал необходимым не только политически оправдать, но и научно-теоретически обосновать содержание и происхождение этого революционного права пролетариата.

Революционное право по Ленину есть революционная власть низов, диктаторски осуществляющих свое господство явочным порядком, внедряющих в жизнь новые общественные формы, причем именно в силу особенностей своего происхождения эта новая революционная власть не ограничивается и не может быть ограничена никакими формальными законами, не нуждается ни в каких внешних санкциях. И Владимир Ильич следующим образом определяет содержание этого права:

¹ Ленин, «Победа кадетов и задачи рабочей партии», т. IX, стр. 120

«Это есть диктатура, ибо это есть власть народа над Аврамсым, власть, не ограниченная никакими законами (мещанин, пожалуй, был бы против того, чтобы силой отбить Спиридонову от Аврамова: дескать, не по «закону» это? есть ли у нас такой «закон», чтобы убивать Аврамова? ...Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть... Народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право»¹ (курсив наш.—Н. К.).

Как видим, именно о *праве*, его возникновении и содержании говорит здесь т. Ленин. Каково же назначение этого права? В период революции, пишет он, применяются:

«...некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов: 1) «захват» *народом политической свободы*, — осуществление ее без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний, хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов, и т. д.); 2) создание новых органов *революционной власти*, — Советы Рабочих, Солдатских, Железнодорожных, Крестьянских Депутатов, новые сельские и городские власти и проч. и т. п. Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самостоятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы *власти*, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали, как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали, как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на

¹ Ленин, т. IX, стр. 119.

нужды нового, народного, правительства,—да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа...»¹.

И дальше:

«...укажем третий «метод» действия эпохи «революционного вихря»: *применение народом насилия по отношению к насильникам над народом*»².

И наконец:

«...это сбрасывание народом с себя Аврамовых и есть реальное содержание того, что называется великой российской революцией»³.

Это сбрасывание, происходящее в тех формах, которые выше описывал Владимир Ильич, и есть содержание и назначение революционного права, его задачей является в особенности в первый период «...создание народом новой, революционной, власти, власти над Аврамовыми, власти над насильниками старого полицейского уклада;—*применение народом насилия по отношению к Аврамовым для устранения, обезоружения и обезвреживания этих диких собак, всех Аврамовых, Дурново, Дубасовых, Минов и прочее и тому подобное*»⁴ (курсив наш.—Н. К.).

Итак устранение и обезвреживание насильников — такова первая задача революционного насилия, осуществляемого в порядке *революционного права* в первый период революции.

Что вопрос шел именно о создании революционного права, об этом говорит Владимир Ильич и в другом месте, когда пишет:

«...главной формой общественного движения в современной России остается попрежнему непосредственно-революционное движение широких народных масс, ломающих старые законы, уничтожающих органы угнетения народа, завоевывающих политическую власть, творящих новое право»⁵ (курсив наш.—Н. К.).

Но это только первая задача.

Одновременно выдвигается вторая задача, которая относится уже непосредственно к новому творчеству — твор-

¹ Ленин, т. IX, стр. 116, 117.

² Там же.

³ Там же, стр. 120.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 141.

честву нового порядка, к построению социализма и руководству непролетарскими слоями населения.

В другом документе, написанном непосредственно перед Октябрьской революцией, в своем известном труде «Государство и революция» Владимир Ильич следующим образом определил эту вторую задачу:

«Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства» ¹.

Не только разрушать, но и строить, не только подавлять, но и руководить, не только уничтожать, но и созидать призвана на историческую арену пролетарская государственная власть. А творить она могла опять-таки с помощью революционного права, с помощью облеченных в декреты и законы ее велений, повсеместно и единообразно проводимых в жизнь широчайшими трудящимися массами.

Проведение в жизнь этих указаний и является уже строительством социализма на основе революционной законности.

Это требование соблюдения революционных законов как единообразного метода построения социализма согласно указаниям и законам центральной власти Владимир Ильич очень скоро поэтому выставил в качестве второй очередной задачи революционной законности на другой день после Октябрьской революции.

¹ Ленин, т. XXI, стр. 386.

II. Ленин о лозунге революционной законности как методе социалистического строительства

Период разрушения революционным путем старых органов классового угнетения и господства и старой государственной машины был сравнительно краток. Новые органы государственной власти создавались стихийно и повсеместно в период революционной ломки. Эти органы явочным порядком осуществляли новый порядок, творили, как писал Владимир Ильич, новое революционное право.

В соответствии с этим первые декреты центральной революционной власти лишь регулировали революционное творчество мест путем декларирования факта свержения старой власти, конструирования новой. Но уже следующие декреты регулировали крупнейшие политические и социально-экономические изменения, которые произвела революция в процессе утверждения своей победы.

В первые месяцы после победы революции взаимоотношения между государственной властью и местными революционными органами не поддавались еще четкому определению и, несмотря на все агитационное и революционное значение первых революционных законов, последние далеко не отличались не только необходимой полнотой, но даже необходимым повсеместным безоговорочным признанием. В ряде случаев центральная власть сама передоверяла местам право детализации руководящих законов, исходя из невозможности в центре предусмотреть все местные детали, целиком полагаясь на революционный инстинкт, единство интересов и революционное единство политики центральной и местных революционных властей.

В истории нашей революции этот период неурегулированных отношений между центральной властью и местами отражен в целом ряде исторических документов, что нисколько не колебало однако основного политического факта— безраздельного господства как единой регулирующей силы

пролетариата, как класса-гегемона и его авангарда — коммунистической партии.

Этот период Владимир Ильич предвидел до Октябрьской победы и тогда уже писал о необходимости в определенной области положиться на революционный инстинкт низов. Накануне Октября он писал в полемике с кадетами, меньшевиками и эсерами:

«... Основное противоречие в понимании того, что есть порядок и что есть закон. До сих пор смотрели так, что порядок и закон — это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон — есть то, что удобно большинству крестьянства! Пока нет Всероссийского Совета Советов, пока нет Учредительного Собрания, до тех пор всякая власть на местах, уездные комитеты, губернские комитеты, есть высший порядок и закон!»¹.

А непосредственно в момент Октября он писал:

«Волостные земельные комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общественным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять.

Все распоряжения волостных земельных комитетов, принятые с согласия уездных Советов крестьянских депутатов, являются законом и должны быть безусловно и немедленно проведены в жизнь»².

В другом случае Владимир Ильич поставил этот вопрос еще резче.

На запрос Московского губернского совета об утверждении его постановления центральной властью Владимир Ильич телеграфирует: «Вся власть у советов. Подтверждения не нужны. Ваше отречение одного и назначение другого есть закон»³.

18 ноября 1917 г. Совнарком вынес и опубликовал за подписью Ленина постановление по поводу увеличения пайка солдаткам, в котором говорилось:

«На местах некоторые советы разрешают вопрос о пайках революционным путем, конфискуя средства у богачей для уплаты пайков солдаткам. Вполне сочувствуя такому решению, Совет народных комиссаров еще раз напоминает, что только революционная самостоятельность и революци-

¹ Ленин, т. XX, стр. 407.

² Ленин, т. XXII, стр. 52.

³ XXI Ленинский сборник, стр. 93.

онный почин местных советов в борьбе против злоупотреблений и корысти буржуазии способны решить наболевший вопрос»¹.

Этот порядок не продолжался однако бесконечно. По мере укрепления революции росла позитивная творческая роль революционного закона и в той же мере уменьшалось значение форм законодательного правотворчества на местах.

«Это было время, — пишет Владимир Ильич, — это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте. Без этого не было бы к нам доверия всех рабочих и крестьян, которые хотели построить жизнь на новых основах»².

Наступило время, когда, вместо того чтобы быть формой пропаганды, декреты сделались практическими и точными указаниями о порядке строительства. С этого момента центр тяжести переместился на требование точного исполнения законов и, что всего важнее, на проверку того, как они исполняются.

Стоит отметить, что впервые этот вопрос четко и остро был поставлен Лениным как раз в период наибольшего обострения гражданской войны, на VI съезде советов в октябре 1918 г. Правда, уже первый декрет о власти от 25 октября 1917 г. заключал в себе важнейшее указание:

«Совет выражает уверенность, что городские рабочие, в союзе с беднейшим крестьянством, проявят непреклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, необходимый для победы социализма»³.

Мало того, в заметках об организации аппарата управления при формировании первого революционного правительства мы находим у Владимира Ильича следующую запись:

«Председатель комиссии революционного порядка — Бонч-Бруевич, — *заведующий делами* или народный комиссар революционного порядка»⁴.

Борьбу за революционный порядок таким образом Ленин считал необходимым выделить как особую задачу, требующую для своего разрешения и создания особого аппарата. Однако, повторяю, только в конце 1918 г. мы находим первое законодательное постановление, требующее беспре-

¹ Собр. узак. и расп. раб.-крест. правит. 1917 г., Отдел 1-й, № 39, ст. 42.

² Ленин, т. XXVII, стр. 255—256.

³ Ленин, т. XXII, стр. 6.

⁴ XXI Ленинский сборник, стр. 91.